

Андрей Белый

СИМФОНИЯ №3
ВОЗВРАТ

ПСИХОДЕЛИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Симфония №3. Возврат / А. Белый. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 100 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-77941-3

Андрей Белый (1880—1934) — поэт Серебряного века, писатель, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

«Симфония №3. Возврат» — творческое открытие Белого, удивительный синтез слова и музыки, называемый ритмической прозой. Главная тема произведения — «возврат» к жизни души, попавшей в план перевоплощений. Эта история, пронизанная мистической атмосферой, откроет для читателя мир вечности и сюрреальности, безумия и истинного знания и произведёт неизгладимое впечатление на каждого читателя.

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77941-3

© T8RUGRAM, 2018

СИМФОНИЯ №3
ВОЗВРАТ

ЧАСТЬ I

I

Серо-пепельное облако дымилось и сверкало своими нижними краями на горизонте.

Над ним небо казалось золотисто-зеленым, а под ним развернули желто-розовую ленту атласа, и вот она линияла.

Ребенок играл на берегу, копая бархатный песочек перламутровой раковиной... Иногда он лукаво смеялся. Хлопал в ладоши. А в глазах его брызгали синие искорки.

Зыбкие, ускользящие волны рассыпались бурмидскими жемчугами.

Наигравшись, ребенок сел на берегу и стал вызывать из бездны моря своего товарища, краба, пока голубая волна не выплеснула ребенку его товарища.

Краб был огромен и толст. Они стали возиться друг с другом. Ребенок хлопал в ладоши. Кидал в благодушного краба круглячками. А краб, изловчившись, запускал свою толстую клешню в белокурую головку ребенка и таскал шалуна вдоль песчаного бережка.

Потом, навозившись друг с другом, они подали друг другу свои конечности, и толстый краб ушел в бездну моря.

А уж близился вечер... Пена сверкнула рубинами...

Окрестность замутилась бледно-синим туманом... Зазвякали высыпающие звезды...

Из-за утеса дважды полыхнула ядовитая вечерняя Молния. Белый камень, похожий на человека, виднелся

вдали на берегу: точно старик застыл, согбенный, и думал думу.

Ребенок смеялся, щуря синие очи, поглядывал на камень и говорил: «Знаю тебя... Ты прикидываешься...»

Но белое очертание не двигалось. Ведь это был только камень.

И ребенок зевал... Поглядывая на береговое очертание, он шептал не без лукавости: «Приходи скорее...»

Ребенок боялся молнии и туманов...

Он ушел на груду камней. Здесь он жил. Здесь ночевал. Отсюда он смеялся над туманами.

Прилетели черные, ночные кулички... Стали бегать вдоль берега, посвистывая: «Жди-и-и...»

И под эти звуки он заснул...

Серо-пепельное море отливало снежным серебром, как бы очищенным от скверны. Низкое, волнистое облако повисло над морем, закрывая лунный серп.

Выползший краб шевелил усами и щелкал клешнями. Это он грелся на суше, поглядывая на спящего хитрыми, ласковыми глазами.

Прошлое, давно забытое, вечное как мир, окутало даль сырыми пеленами... В море раздавалось сладкое рыдание: это восторг перерос вселенную.

Низкое облачко, волнуясь и дымясь, заколебалось над морем и потом, разорвавшись от восторга, понеслось куда-то вбок своими священными обрывками.

Там, где был камень, сидел старик. Он повернул к спящему ребенку невыразимое лицо свое, бархатным басом кричал спящему: «Твое тихое счастье отливает серебром... Так хорошо... Так лучше всего...»

Старик пошел вдоль берега, чертя на песке мистические знаки своим ослепительным жезлом. Это он вычислял скорость междупланетных танцев; уже он вычислял тысячелетия, но еще не перестал удивляться...

Он бормотал: «Так повелел Господь Бог». Глухие подземные удары сопровождали его слова странным аккомпанементом.

Огромный, белый горб повис между небом и землею, и лунный серп, разорвав его в одном месте, посылал на старика свои мягкие лучи.

II

Ребенок проснулся. Он лежал на спине. Ему казалось, что небесная глубина, истыканная звучащим золотом, спустилась к его лицу. И он поднимал голову, но небо убегало вверх, и никто не знал, как оно высоко.

Ребенок озирался сонными глазами. Был прилив. Море подошло. Теперь оно лизало серые камни.

Вдали несли херувим багровым метеором, оставляя на море летучую полосу огня. И море шептало: «Не надо, не надо...» И херувим рассыпался потоком искр.

Ему казалось, что вселенная заключила его в свои мировые объятия... Все опрокинулось вокруг него.

Он свесился над черной бездной, в неизмеримой глубине которой совершался бег созвездий. Его тянуло в эти черные, вселенские объятия. Он боялся упасть в бездонное...

Это только казалось.

Все было тихо. Оставалось по-прежнему. Вдали слышались восклицания: таинственный старик совершал вычисления, радуясь бегу планет.

Стал ходить по серым камням ребенок.

Успокаивал себя: «Это все сны... И мне не страшно...»

Море шумело. Пронеслась стая черных куличков, задевая ребенка упругими крыльями.

Пахнуло знакомой близостью. Не успел обернуться, как его плечи закутали теплым, козым пухом, и старческая рука стала поглаживать шелковистые волосы.

Это пришел старик. Ему смеялся ребенок: «Ты опять пришел. Ты не камень...»

Старик оборвал его, гремя басом: «Так хорошо... Так лучше всего...» Сел рядом.

Тонкий, изогнутый полумесяц затерялся в голубой ясности, порвав облачные иглы, занесенные в вышину...

Старик весь просиял и казался снежно-серебряным. То он наклонялся к спящему, воздевая над ним свои благословляющие руки, то, откинувшись, сидел неподвижный, весь сверкающий.

Белоструйная седина покрывала сутулые плечи. Борода протянулась до пояса. Серые очи — две бездны, сидевшие в огромных глазницах, — впились в успокоенную даль.

Гасли бледно-синие туманы. Убегали на запад. Изумрудно-золотой небосклон розовел.

Ребенок протирает синие очи.

Шептал: «Старик еще здесь». Забывался.

Серебряно-белые ризы, ослепительный жезл старика трепетали в оранжевых искрах. На груди старика колыхалось таинственное ожерелье из бриллиантов. Каза-

лось, это были все огоньки, вспыхнувшие на груди... А к ожерелью был привешен знак неизменной Вечности.

Старик молчал, но сдержанные восторги рвались из воспламененной груди его.

Казалось — он шептал: «Созвездие Волопаса прожило сто миллионов лет. Проживет и еще столько же... А к созвездию Пса приблизилась яростная комета...»

Это он вел счет своему хозяйству.

Ребенок проснулся. Старик исчез. С грустью вспоминал ночное посещение. Взглянул туда, где торчал белый камень. Камня не было. Нагрывший прилив унес его в море, чтобы снова выбросить...

Ребенок задумчиво стал гулять вдоль берега. Собирает перламутры. Иногда он давил перламутры. Они хрустели под ногами.

Ветер дул ему в лицо, обсыпал бархатным песочком.

III

Белокрылый орел потряс окрестность ликующим криком, и этот крик слушал ребенок, прижавшись к черной скале...

В его глаза вставили по огромной бирюзе, и вот из глаз исходили лазурно-синие лучи, потому что ребенок слушал зов, по временам возникавший из Вечности.

Ему было грустно и весело. Он знал, что старик бродит в этих странах.

На фоне оранжевого горизонта плыл благодушный кентавр, рассекая прозрачные волны лошадиными копытами...

Над морем восходил пламенный яхонт. На него сбoku наплывала покорная туча своими длинными, узкими перстами из расплавленного золота...

Скоро она все покрыла белым горбом.

Горбатые края засверкали.

К нему приполз краб. Сидел перед ним, раскорячившись. Оживленно толковали о текущих событиях.

Водяной обитатель спешил уведомить ребенка, что в глубинах — волнение: еще вчера к ним приполз неведомый змий и теперь залегает в кораллах.

Так говорил краб, разводя клешнями на солнечном припеке; со слезами на глазах умолял ребенка быть осторожным, не слишком удаляться от серых камней.

Но ребенок не боялся змия: он знал, что сюда пришел и старик.

Любопытный ребенок взобрался на черную скалу, нависшую над морем. Прозрачная вода не скрывала тайн.

Звезды морские усеяли дно. Ребенок видел на дне и заснувшего змия, и бледно-розовый коралл с мелькавшими над ним бриллиантовыми рыбками.

Это была огромная змея с небольшой головой как бы теленка, увенчанной золотыми рожками.

Ребенок смеялся над спящим ужасом, шептал своим жемчужным голоском: «Ты мне не страшно, чудовище: я высоко над тобою. Мне весело! Меня защитят от твоих покушений!»

Так малютка покрикивал, то белея, то вспыхивая, но бледно-желтые волосы тихо встали над головой от неведомого ужаса.